

Елена КРАСНУХИНА

НАЦИОНАЛИЗМ НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

«Существование нации — это повседневный плебисцит» — гласит известный афоризм Эрнеста Ренана. В российском массовом и научном сознании не доминирует европейское представление о нации как о непрерывном плебисците или референдуме. Отечественная мысль чаще оперирует этнографическим, историческим, политическим, экономическим, географическим, культурологическим, лингвистическим определением нации, но не гражданско-правовым.

Национализм как теоретический принцип, социальная позиция и умонастроение имеет и положительный, и отрицательный оттенок смысла. Национализм в отрицательном смысле — это притязания одного этноса на доминирование над другими. К настоящему времени возросло и закрепилось именно отрицательное значение национализма, ибо национализм был дискредитирован и обесчещен нацизмом, превратившим его в бранное слово. Даже беды и заблуждения современной политики европейского мультикультурализма могут рассматриваться как отдаленное эхо или отголосок зла немецкого нацизма. Борьба с идеологией и практикой фашизма повлекла за собой наложение своеобразного табу на защиту ценности национального самоопределения, поэтому в современном западном мире политике мультикультурализма нет легитимной альтернативы. Девальвация национальной идеи происходит несмотря на то, что и в XX, и в XXI веках национализм играл значительную роль: антиколониальная борьба и распад колониальных империй шли под знаком национально-освободительных целей и ценностей, война с гитлеровской Германией и немецким оккупационным фашизмом велась многими европейскими странами как национально-освободительная, движение антиглобалистов также проникнуто духом национальной суверенности. И все-таки история национализма — это история обретения им статуса маргинальности, в то время как в новоевропейском мировоззрении национализм был одной из ведущих тем и идей, причем имел безусловно позитивное ценностное содержание.

Национализм может быть дифференцирован как гражданский, этнический и официальный. Этнический и официальный национализмы доминировали в российской истории. Проявлением последнего была идеология православия, самодержавия и народности, заменяющая французский принцип «Свобода. Равенство. Братство» на триаду графа Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». Однако и сама официальная теория народности имела не только самобытно российские корни, но и корни во франкоязычной культуре мышления. Во французских оригиналах текстов С. С. Уварова понятие «народность» передавалось как *nationalité*. Ему вторит в одном из своих

Елена Константиновна Краснухина — философ, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Автор книги «Субъект желания» и 160 статей на философские и общественно-политические темы.

писем П. А. Вяземский: «Употребляю понятие „народность“ как перевод *nationalité*, потому что чего же все время писать *nationalité*». Впрочем, французская идея нации оказалась в России замещенной понятием народа и принципом народности. Если самодержавие и православие были сметены Октябрем 1917 года, хотя последнее со временем стало опять заявлять свои права на бытие национальной духовной скрепой, то риторика народности оказалась константной и непрерывной, она пронизывала в том числе и десятилетия советского периода российской истории. Это проявлялось и в декларировании возникновения нового исторического типа общности людей — советского народа, и в именовании собственности общенародной, а не общенациональной (несмотря на ее национализацию, а не обнародование), собственности, квалифицируемой ныне как юридическая форма, лишенная экономического содержания, и в учреждении звания «народный артист», а не «национальный артист», двусмысленно указывающее то ли на простонародное происхождение артиста, то ли на национально-этнический характер его творчества, то ли на постулирование принадлежности искусства народу или, как сказали бы мы теперь, к массовой культуре и феномену популярности.

Терминологическая сложность усиливается тем, что понятие «народ», так же как и понятие «нация», имеет не только культурно-этнический, но и гражданско-политический смысл, если речь идет о правящем народном суверенитете. Народ и в русском, и во французском языках является понятием многозначным. По сравнению с гражданским понятием нации (мы отвлекаемся сейчас от прямого исходного значения нации как указывающего на общность рождения или происхождения и применяемого к группам землячества) понятие «народ» обозначает нечто исторически более раннее. Это историческая общность людей, население страны, пребывающее под одними законами, это количественное указание на множество, большинство, массу людей, это труженики, это простолюдины, плебс, чернь, противопоставляемая аристократии, элите, патрициям. Если народ изначально угнетен, что ставит исторический вопрос о его освобождении, то нация во французском революционном смысле рождается свободной, она есть результат и субъект борьбы за права и свободу. В российской лексиконе аналогично распространена идиома «простой народ», дополненная контрверзой «великий народ». Первое выражение обусловлено политико-экономическим отождествлением народа с социальными низами, второе рождено народнической идеологией народопоклонства и продолжено политической демагогией служения интересам народа в советско-коммунистическое время. Обращаясь к народничеству с критикой, Николай Бердяев писал: «Ваш народ не есть нация. К народу применяете вы категорию количества и категорию социально-классовую. Ваш народ есть лишь масса простонародья, крестьян и рабочих, лишь физически трудящиеся классы. Слишком многие исключены из вашего народа, и интеллигенция, и дворянство, и бюрократия, и купечество, и промышленники». Согласно Бердяеву, истинно понятый народ, взятый как нация, есть нечто характеризующееся через свой национальный дух. Нация в противоположность простонародью есть понятие универсальное, на взгляд Бердяева, она представляет собой «великое органическое целое, объемлющее все классы и все поколения», «мистический организм», в который «входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги». Дух, конечно, дышит, где хочет, не только в людях, но и в камнях и в книгах, в любых творениях национальной культуры. Однако в русской философии Серебряного века мы с очевидностью обнаруживаем не гражданско-политическое, а духовно-этнически-культурное определение нации. Если национальность не интерпретируется на французский манер как свободная гражданственность, то нация может состоять и из камней, а не только людей. Мысль Бердяева о том, что «нация есть дух, Божий замысел, который эмпирический народ может осуществить или загубить», не может дать операционального

понятия нации современной российской национальной политике и лечь в основу формирования гражданского общества. Это обстоятельство реанимирует традиционный для России диалог славянофилов и западников, проблематизируя источник — отечественный или европейский — ценностных ориентаций политических стратегий. Определение нации как состоящей в том числе и из камней вполне правомерно, но оно уместно в контексте культурологическом. В современной политической философии речь идет не о культурной нации, а о нации как суверенном и солидарном согражданстве.

Российский официальный национализм традиционно имел характер этнического национализма. СССР был таким государством, в котором главными субъектами политики и права выступали не отдельные граждане, а социалистические нации. Подмена индивидуальных прав коллективными свидетельствует о совместимости такого национализма с демократическим принципом власти большинства, но не с либеральной идеей индивидуальной свободы.

Использование понятия народ как будто позволяет избежать крайностей этнонационализма. Преамбула Конституции РФ начинается со слов: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле». И хотя далее утверждаются принципы прав и свобод человека, равноправия и самоопределения народов, общность россиян трактуется преимущественно на основе единства исторической судьбы и территориально-государственной целостности. При всем этническом плюрализме его составляющих это единство единообразия, а не консенсус разнородного. Что может быть равным и единым у всех россиян? Безусловно, не этническая или национальная культура. Многоконфессиональность населения России не позволяет также религии стать основанием общности российского народа, хотя известны попытки определять русскую национальность не по крови и происхождению, а по идеологическому принципу вероисповедания, то есть мыслить русскость как православность, а также попытки подменить в наши дни идеологическую общность на основе политической коммунистической идеи идеологической же общностью на основе духовности религиозно-церковной, то есть советский народ народом православным. В основе единства многонационального народа не лежит его языковая общность. С одной стороны, мы имеем исторические примеры отчасти добровольной, но отчасти принудительной языковой русификации народов союзных республик и стран восточноевропейского социалистического лагеря, но, с другой стороны, мы имеем примеры в лице Канады или Швейцарии, имеющих несколько официальных государственных языков в качестве интеграции их населения. Даже общность истории не является однозначным поводом консолидации для нескольких этносов или национальностей, ибо история — это процесс многосторонний, и то, что является для одних сообществ победой, для других оказывается поражением, что, конечно, затрудняет их дальнейшее сосуществование в рамках единого государственного целого. В качестве базиса общенародности мы имеем в конечном счете общность территории, экономической жизни, государства и идеологии. Последнее обстоятельство может играть ведущую роль, как это и было в случае с советским народом как новой исторической общностью людей, образованной по принципу единственности принимаемой идеологии.

Если в философии Бердяева народ понимался вслед за народниками как часть нации, лишенная в лице социальных низов ее элитарной части не только в смысле элиты экономической и политической, но и аристократии духа, *par excellence* выражающей дух нации, то общественная мысль советского периода перевернула это соотношение в концепте «многонационального народа Российской Федерации», интерпретируя нации как составные части общенародного единства. В настоящий момент преамбула Конституции РФ не предусматривает четкого различия нации в этническом смысле и нации в ее политическом значении, не оперируя концептом гражданской нации.

Этими обстоятельствами и было вызвано поддержанное президентом на совещании с Советом по межнациональным отношениям в октябре 2016 года предложение о разработке и принятии нового закона о российской нации, в основу которого должен лечь принцип «россияне — это многоэтнический народ, но единая нация», закона, нацеленного в конечном счете на добавление новых формулировок в текст Конституции. В выдвигаемой новой позиции, состоящей в том, что граждане РФ не многонациональны, а однонациональны, заключается преодоление доктрины национал-большевизма и сталинизма. Понятие российской гражданской нации, поставленной на место бывшего советского народа в качестве наднационального (в этническом значении национальности) образования, подразумевает уже не политико-идеологическое единство, а сообщество равных и полноправных граждан. По-новому сформулированная идея российского гражданства заключается в том, что мы мыслим себя не как многонациональный единый народ, а как многоэтническую единую нацию.

Этнический национализм соотносим с национальным сообществом, основанным на единстве языка, антропологического типа, обычаев, традиций, общности культуры, истории, связи с территорией и ассоциации с государством. Он не исключает сословность характеризуемого им сообщества, может являться национально-освободительным умонастроением и народа, и аристократии. Гражданский национализм относится к нации как сообществу равных и свободных людей, обладающих правами и обязанностями, проживающими в одном государстве. Такая нация — продукт буржуазного общества, она в идеале основана на горизонтальных отношениях и является продуктом крушения сословной иерархии общества, распада прежних связей и отношений, сообществ и форм солидарности.

Этническое и гражданское понимание национального исходит из опорного различия двух смыслов термина «народ», то есть различия понятий «этноса» и «демоса». Понятие этноса принадлежит этнографии, а термин демос относится к словарю науки политической. Нация-этнос определяет национальность как нечто генетическое, биосоциальное, а нация-демос, неразрывно связанная с правовым порядком демократического правового государства, понимает национальность как свободное гражданство. Так национальное мыслится как почва и кровь, культура и дух в одном варианте и как права и свободы, суверенитет и демократия в другой версии.

Различие между нацией и национальностью, фиксируемое понятиями гражданской и этнической нации, само имеет национальное различие. Первое из этих понятий именуют *французским*, восходящим к идеологии Великой французской революции. Оно кладет в основу нации свободный политический выбор сообщества, «ежедневный плебисцит». Вторая идея нации порождена *немецкой* мыслью Гердера и романтиков XIX века. Она трактует нацию как общность происхождения, культуры, языка, как выражение духа нации, как предмет невыбора. Различие французской и немецкой идеи нации является продуктом истории Франции как административной монархии с ее тенденцией централизации и культурной ассимиляции и истории Германии как наднациональной империи суверенных и полусуверенных политических единиц княжеств и королевств. Эти два отличных друг от друга понимания нации — буржуазное и полуфеодалное — соперничали в военно-политических спорах о государственной принадлежности территорий Эльзаса и Лотарингии, неоднократно переходивших в результате франко-прусской и двух мировых войн то к Германии, то к Франции. Аргументами в этих теоретических баталиях были и указания на связь населения этих территорий с немецкой историей и культурой, и утверждения, что принадлежность к этнокультурным сообществам не предопределяет политический выбор государственности.

Этнический и гражданский национализм имеют территориальный ракурс. Этнические различия советских граждан были закреплены на территориальной основе. Эт-

нический национализм тяготеет к территориальной привязке и автономии. С одной стороны, это создает предпосылки сепаратистских движений за государственное самоопределение, отделение, децентрацию, с другой, привязывая нацию-этнос к определенному месту, не форсирует процессы миграций.

Иная политика по национальному вопросу проводилась в постреволюционной республиканской Франции, не желавшей иметь наряду с сообществом граждан какие-либо этнические общины, противоречащие сути гражданского сообщества, тем более обладающие территориальной автономией. В 1791 году, когда в Национальной Ассамблее Франции обсуждался вопрос об эмансипации евреев, депутат Клермон-Тоннер выразил общее мнение в следующих словах: «Евреям как нации следует отказать во всем, евреев же как индивидов следует во всем удовлетворить». Смысл этой формулы заключается в том, что в гражданской нации не должна иметь место дискриминация по этническому принципу, но одновременно и в том, что статус гражданина у члена гражданского общества должен превалировать над этнической принадлежностью, самосознание свободного человека и правосубъекта — над самосознанием этническим. Сложившееся в борьбе со старым режимом французское национальное самосознание было политическим. Идея нации сформировалась в нем не в религиозно-этническом или культурно-историческом плане. Согласно новому пониманию, французом становился каждый, кто вставал на позиции республиканства.

Если национальное интерпретируется как коллективная идентичность, то это порождает сепаратистские настроения, нацеленные на отделение, выход *вовне* из существующих государственных образований. Эти тенденции проявляются и на постсоветском пространстве, и в ряде восточноевропейских стран после распада социалистического лагеря. В Западной Европе национальный сепаратизм дополняется иным трендом. Если национальное интерпретируется как индивидуальное гражданство, то возникает обратная тенденция иммигрантского проникновения *извне внутрь* уже сложившихся национальных государств с целью натурализации.

Связь этнического и гражданского национализма с государственным и территориальным принципом неоднозначна. Этническая нация, с одной стороны, нацелена на самоосуществление в формах суверенного государства или территориальной автономии в пределах государства многонационального. С другой стороны, именно этническая нация как субъект национальной культуры существует в качестве диаспоры, рассредоточенной по всему современному миру, не имея жесткой привязки к определенной территории или государству. Утверждение, что наиболее значительные произведения русской литературы большей части XX века создавались (или публиковались) в эмиграции, что русская национальная литература в XX веке — это литература зарубежья, творившаяся вне официального государства и вопреки его культурной политике, имеет под собой серьезные основания.

Гражданская нация выстраивается на гражданстве как политико-юридическом отношении человека с государством, а государство зиждется на территории его юрисдикции. Таким образом, гражданская нация, с одной стороны, обретает и территориально-государственный смысл. С другой стороны, права гражданина теоретически ассоциированы с правами человека, а гражданин национального государства в современном глобальном мире склонен идентифицировать себя с гражданином мира. Космополитический ход универсализации ценностей подразумевает отрыв гражданского национализма от территориальной и государственной конкретности.

Понимание нации как гражданства, а не этнической принадлежности требует различения не только этнического и культурного смыслов национального, но и указания на несовпадение политического и гражданского значения нации. Первое из этих различий связано с тем, что чисто этническая интерпретация национальности чревата на-

цизмом и расизмом, ибо основана на идее нации как общности антропологического типа людей, общности, имеющей глубокие исторические корни и не совпадающей с современным пониманием нации как продукта буржуазных революций. Добавление к антропологическому типу таких признаков нации, как территория, традиции и загадочный национальный дух, не меняют существа дела. Узость и догматизм нацизма не разделял даже основоположник итальянского и европейского фашизма Бенито Муссолини, утверждавший, что «нация не есть раса или определенная местность, но находящаяся в истории группа». Его теория корпоративного государства зиждилась на мечте возродить былые величие, мощь и славу Римской империи, а империи, как известно, всегда полиэтничны. Быть римлянином — это не чисто этническое определение, так же как быть американцем в наши дни не означает иметь какой-то определенный цвет кожи, этническую принадлежность, единую с другими американцами религию, культурную традицию или кухню. Принципиальное различие между расистским нацизмом Гитлера и этатистским фашизмом Муссолини заключалось в том, что нацизм выдвигал идею чистоты нации, а фашизм защищал идею единства нации, политического, идеологического, тоталитарного, но единства.

Понятие нации как культурного явления, как сообщества, объединенного одним языком и общей культурой, являющегося перманентным носителем и творцом этой культуры, имеет целью преодоление этноцентризма. Национальность определяется в данном случае не по процентам унаследованной от родителей крови, а по принадлежности человека к той или иной национальной культуре и языку. В наш век относительно свободного выбора страны проживания, билингвизма, активных миграций, постмодернистского игрового отношения к историческому плюрализму культурного наследия атрибуция принадлежности к культурной нации чрезвычайно осложняется.

Политическая нация есть определение нации через ее национальное государство. Она есть продукт административной монархии, политического и языкового объединения людей в рамках одного государства, например, результат превращения бретонцев, нормандцев, гасконцев, бургундцев и других во французов. В Германии этот процесс государственно-политической консолидации происходил позднее и медленнее, считается, что в плане национальной идентификации житель современной Баварии прежде всего считает себя баварцем, а уж потом, во-вторых, немцем. Превращение в политическую нацию, наличие собственного государства, выход из состава имперских или крупных государственных образований есть мечта этнонационализма. Мечта эта, как и всякая мечта, является несбыточной, среди современных государств практически нет мононациональных. Да и идея национального суверенитета как независимости, свободы и самовластия может быть направлена не на обладание своим собственным, скажем, каталонским государством, а на обладание властью в своем государстве, пусть и исторически сложившемся как полиэтничное.

Руссоистская трактовка национального суверенитета как народного суверенитета приводит нас к четвертому пониманию нации как гражданской. Такая нация представляет собой сообщество свободных людей, обладающих правами, граждан, а не подданных государства. В последнем и заключается ее важное отличие от политической нации. Именно такое республиканское понимание французской нации являлось мотивом и результатом буржуазной (иначе гражданской) Великой французской революции. Как гражданская нация французы определились исторически позже, чем как политическая нация.

В нашем обществе мы как будто ясно различаем значения «быть русским», то есть принадлежать к этнической и культурной нации, и «быть россиянином», то есть быть в числе граждан государства Российская Федерация, среди которых есть представители разных этносов и национальностей: и татары, и евреи, и буряты, и эвенки, и многие-

многие другие. Однако факт объединения людей в одном государстве еще не определяет их автоматически как нацию гражданскую, а не исключительно политическую. В недавнем отечественном прошлом декларировалось возникновение новой исторической общности людей — советского народа. Это была претензия на метаэтнический вид солидарности, однако существенно отличный от способа бытия французской или американской гражданской нацией. Ибо объединяющим и роднящим советских людей был факт условно поголовного принятия одной государственной идеологии, а не наличие у каждого из них индивидуальных прав человека и гражданина. Таким образом, общность государства обеспечивает только единение людей в политическую, но не обязательно гражданскую нацию. Таковой были немцы в Третьем рейхе или итальянцы в Италии времен фашистского режима Муссолини. Гражданская нация совместима только с правовым государством, наличием в нем гражданского общества, режимом либеральной демократии. Она невозможна при абсолютной монархии, диктатуре, авторитаризме или тоталитаризме. Современное российское общество находится в состоянии, переходном от политической нации к нации гражданской. Путь этот будет небыстрым и нелегким.